
от миллиардов — ни портрета,
ни гипсовой посмертной маски:
ну, в лучшем случае монета,
которой заплатил за что-то —
за ткань, за дичь, за чьи-то ласки.
за чью-то, может быть, свободу.

серебряная тетрадрахма,
тебя среди каких развалин,
ощупанную многократно,
нашли, протёрли и отмыли?
а кто менял, кого меняли —
столетия лежат в могиле.

рабов и их господ рассудит
Бог, Космос, Разум ли, Природа.
и нас когда-нибудь не будет,
но каждого из нас потомки
сумеют различить по фото,
по аватару, по иконке.

считалось в детстве: шмель не жалит.
теперь другое понял я,
что зачастую шмель — решает,
о разном справьтесь у шмеля.
отличие пыльцы от пыли
напомнит шмель, а мы забыли,
как только носит нас Земля?

я стану старым, если стану,
и это внукам передам.
полёт шмеля сложней матана,
и он мудрец, не кто-то там,
он обстоятелен и точен,
его проворный хоботочек
то к нам направлен, то к цветкам.

я родился раньше, чем первый DOOM,
и во мне уже барахлит аккум,
что-то там кольнёт и вот тут кольнёт,
то отдаст в висок, то отдаст в живот.

может, это монстров, живущих во
мне, стреляют — нет? но тогда кого?
где мои аптечки и где броня?
эй, внутри: оставьте скорей меня.

отыщу я Windows дремучих лет

и поставлю DOOM, а другое — нет,
пиксельный кисель осушу до дна,
и враги не скажут, что жизнь — одна.

был город вот этот связан
когда-то, давным-давно,
с известным удельным князем, —
теперь там одно кино

и улицы полторы ли,
и вросший в себя музей,
и пыль, очень много пыли:
зажмурься, а не глазей.

вот это — Россия. это
Россия, а не Сибирь.
вне города — поле, лето,
и роща, и монастырь.

ну, вспомни, как звали князя,
представь, что ты тоже князь,
а вечером ты на ВАЗе
уедешь, себя стыдясь

в гостиницу для неближних,
приезжих, само собой,
случайных, купившим книжек
с магнитиками домой.

я по стогу сена определю
киноленту старую Балаяна.
вдруг я сам живу и стремлюсь к нулю?
вдруг я сам подвержен самообману?

в стоге сена колко и хорошо,
в стоге сена можно отгородиться
от забот, сомнений, долгов, ещё —
отлежаться и перезагрузиться.

представляю: в стог бы зарылся сам, —
в нём прохладно осенью, в нём так сухо, —
и ушёл в себя, и закрыл глаза,
и не произнёс я бы там ни звука.

Главный Анархист куда как лучше
заурядного: о нём поют
на одной десятой части суши,
презирая всякий там уют.

хороши нетрезвые каморки,
хорошо, что остаются те
дяденьки с бунташностью в подкорке,
что кричат себе и пустоте.

и поверишь: Главным Анархистом
станет кто-то, видимо, из них,
и уйдёт в сиянье серебристом
из каморки на своих двоих

за портвейном в правильное место,
где торгуют после десяти —
на проспекте древнего Партсъезда:
пожелай хорошего пути.

я играл за проточеловека
первый раз в компьютерной игре
прыгал человеком тем и бегал
жизни им оканчивал в дыре

набрёдал на пауков в пещерах
находил случайный золотой
это было в девяностых серых
в девяностых ярких было то

всё о чем теперь я вспоминаю
всё зарыто в девяностых гэ
и сейчас почти я не играю
а шагаю от строки к строке

человеком без приставки прото
и дышу весь день одной ноздрёй
скоро завтра завтра на работу
выдайте здоровье и настрой

у паука мастеровитого
весьма изящна паутинка,
другой паук ему завидовал —
не избежали поединка.

в одну попались насекомые,
к другой же даже не посмели
притронуться. ничью законную
участницы признали — ели.

я знаю этот тип отличников-задир
тире тире пунктир тире тире пунктир
а я один из них рождённый в январе
пунктир пунктир тире пунктир Пуанкаре

да нет не глыба я на фоне важных глыб
но вписанный в контекст осведомлённый тип
курчавый снег пошёл и молодость прошла
я встал из-за стола такие вот дела

а жизнь а жизнь а жизнь сто тысяч синяков
особенно когда достаточно толков
и сам готов принять удар и вдарить сам
и не согнуться нет при этом пополам

сколько женщин было с Блоком,
сколько знали: это он?
Блоку было одиноко
с каждой из них вдвоём.

прозаично всё и грубо,
а поэзия вон там,
где ещё девчонка — Люба,
где ещё мальчишка — сам.

где весь мир — театр, театрик,
где нестрашен царь и Бог.
жизнь была, потом прошла вдруг,
и нет силы сделать вдох.

тогда играли без аутов, поле без края
было, простиралось больше вширь, чем вдаль,
и мне снится теперь, что я не попадаю,
а раньше, наяву, почти всегда попадал.

снился, что мяч в ногах, но ноги ватны —
и ни ударить не могу, ни сделать точный пас,
но если перемещусь туда, на 20 лет, обратно —
то сделаю всё, что требуется, на раз.

и хватало дыхания на широкоформатное поле,
а кончалось оно — второго наставал черёд,
а теперь настоящее, холодное и слепое,
и тем более будущее — не спасёт.

не отправить мяч в девятку, не сорвать паутину,
не выведен будет на удар Руслан или Максим —

в худшем случае будет известно что, в лучшем — рутина,
а тогда играли без аутов, лет и зим.

говорили утопия
и ещё говорили
я архивная копия
в постклассическом стиле

в ваших чатах ответственных
я подписан экзисто
знаю множество песенок
десять тысяч и триста

знаю древний я пентиум
и игрушки на оном
запастись бы терпением
хоть одним бы флаконом

вы видали философа
я ещё и историк
не придумавший способа
всё как нужно устроить

шапку что похожа на клубук
нацепили повели в детсад
эти шесть оледенелых букв
через четверть века холодят

слёзы просто брали и текли
но не раздавался хлюп и шмыг
и зачем меня вели и привели
довели предупредил бы их

что со мною нужно бы не так
сразу кнопку юности нажать
и туда отправить ведь пустяк
правда ведь пустяк и вам не жаль

экзистенциальные дела
так сказал бы Жак а может Жан
ну а я молчал и жизнь текла
и меня отдали малышам

в театре кукол темнота
все спят все видят сны такие
что непонятно ни шута
а в городе снуют другие

а в городе блаженный свет

и расфырчались иномарки
и мэр и губер всяк воспет
передвигаясь на мигалке

а я забытый в сундучке
герой закрытого сеанса
с кедровой шишкою в руке
сплю и навеки тут остался

здравствуйте мы знакомы
пчёлы и муравьи
улица не в три дома
множество сил любви

я здесь непостоянен
вы постоянны здесь
жизни сдавать экзамен
смерти сбивая спесь

всё-таки всё случится
всё-таки всё пройдёт
скобку поставь ресницу
и соберись в полёт

мы сократили университет
до УВС и так расшифровали
у – ураган в – воля с – секрет
и понесли свои слова в металле

но нас опередил доцент один
придумал то же самое до нас он
он полный и хороший господин
был к розыгрышам с юности привязан

и мы пришли и видим что слова
лежат и остывают из железа
доцент хитёр был и едва-едва
нам улыбался будто бы повеса

теперь все называют УВС
наш университет а нам под сорок
доцент давно возглавил райсобес
хотя был по диплому он филолог

«солнце революции погасло, —
говорил старик, он как-то раз
по одной курил с Фиделем Кастро, —

всё теперь потеряно сейчас».

не найдёшь таких же бородатых,
больше не отыщешь табака,
как тогда. кури сухой остаток
и покашливай себе слегка.

да, конечно, будет старику так
сокрушаться, но — скажи поди...
он сидит в любое время суток
возле моря с пламенем в груди.

в девять лет у меня созрел бизнес-план:
показывать за деньги (10 рублей)
игру и фокусы чёрного кота моей бабушки
соседям — пожилым, как правило, и с детьми

для этого 2-3 недели я усердно дрессировал
кота, он бегал за верёвочкой с фантиком,
прыгал в высоту, залезал в корзинку,
а потом, наверное, повзрослел или взбунтовался

так прогорела моя идея, мой бизнес-план,
но уже через год я обратился к цветному металлу:
медь сдавал и алюминий сдавал
и однажды получил за скороварку 42 рубля

в начале века, когда появился видеоплеер,
я купил кассету «Бриллиантовая рука»,
пересмотрел её раз пятнадцать и проверил
себя на знание фильма. планка была высока.

я знал, сколько гостей за столом у Шефа,
когда он отмечал приобретение «Москвича»,
а сейчас не помню. а тогда всё это душевно
так было, и я иногда смотрю из-за плеча

на детство прошедшее, на подростковые годы,
когда покупал треугольнички сыра по одному:
было немало какой-то особой свободы,
а во что она трансформировалась потом, не пойму.

мы с родителями делали плакат
телевизор гнал какую-то пургу
он был стар и выключался невпопад
через трубочное шёл он не могу

и раздался неожиданный хлопок
будто боль пронзила аппарат насквозь
телевизор больше продолжать не смог
и отец его потом едва унёс

с дедом что был точен лишь взглянув
телевизору конец и дело швах
никакой прогрев припой продув
не помогут и он был конечно прав

а плакат был наш на тему «200 лет
Пушкину» свернули лист в рулон
я отнёс наутро в школу правда дед
не увидел оценил бы точно он

я машинист на Философской ветке,
но выходные провожу в беседке,
читаю то, что не успел прочесть.
жить по-другому, правда, невозможно, —
размеренно, киношно, доминошно, —
и я функционирую вот здесь.

вхожу в начало трудовой недели:
в 4:50 я в подземелье,
и грохочу, и набираю ход,
и мне так хорошо и одиноко,
вот станция маячит Джона Локка:
подъехал, постоял, отъехал от.

древний грек, остановившийся в Крыму
по торговым делам, отвлёкся от дел, сказав:
«тот, кто любит — не спрашивает, почему»,
повторил ещё раз, но не понял, что прав.

над ним были те звёзды, что светят сегодня вам;
называющиеся иначе, длят историю города,
«и сладко, и страшно поверить людским словам» —
шепчет берегу и камням на солёном наречьи вода.

трамвай — поэзия, а проза —
автобус, даже если он
нахален, молод и без спроса
в одну маршруточку влюблён.

трамвай звенит и извиняется,

что он ослаб, что он устал,
что горький он электропьяница,
что неуспешен он и стар,

что в нём кондуктор в полушалочке
согреть не может рук своих,
что держится маршрут для галочки,
что невозможно — напрямик.

но это всё одна поэзия:
а вам успешных подавай,
а вы красивой прозой грезили,
а вот вам старенький трамвай.

он игры проходил за деньги,
и я платил ему, чем мог,
поскольку шапка не по Сеньке
была. он соглашался, ОК.

работала клавиатура
под пальцами его, и мышь —
сосредоточенно и хмуро
он бил врага и хмыкал лишь.

а я пятёрки и десятки —
от завтраков — вручал ему.
он был в порядке. был в порядке.
он без брони шагал во тьму.

как безнадёжно устарели
те игры, шедшие едва!
теперь уже не монстры — цели:
наверное, мои слова.

повстречались м и ж, стали вместе жить уже,
да с котами, с рюкзаками, а потом на ПМЖ

выбрали себе столицу (или только это снится),
а на деле — серый город, где живёт граффити-птица.

но расстались ж и м, да не просто — насовсем,
будто плёнку отмотали, быстро-быстро, без проблем.

и печалются коты, смотрят вдаль из темноты,
видеть свет желают — света нет, и не поспоришь ты.

привыкать опять одним. у хозяев будет дым,
дым кальянный, дым восточный, в общем, сим и салабим.

выйдет на клавиатуру кот, свою литературу
так напишет: дшоренито85%неуру.

это он так протестует, в ус кошачий так он дует,
и другой ему в КэтТоке говорит, что сам бастует:

отказался от сметанки, удалил контру и танки,
пролил весь хозяйский виски, захотевши валерьянки.